

удк 370 (09)

М. В. Булыгина**УЧИТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛ ЗАУРАЛЬЯ
(XVIII—НАЧАЛО XX В.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: церковные школы Зауралья; учителя-священники.

АННОТАЦИЯ. Рассматриваются три периода в становлении школьной системы Зауралья в XVIII—начале XX в.: монастырский, доземский и земский; освещается роль церковных школ в становлении системы образования данного региона.

Учитель — ключевая фигура в процессе обучения — же церковной системе образования рассматривался правящими кругами и церковью как проводник установленных идей, как важное звено в социальной системе государства.

Учитывая периодизацию зауральской системы образования, данную известным исследователем А. Л. Михашенко [6. С. 113], мы выделяем три основных периода в становлении школьной системы региона: I — монастырский, охвативший период от открытия первой официальной школы при монастыре (1719 г.) до открытия первого светского училища в г. Шадринске (1789); II — доземский (1789—1870 гг. — год начала работы Шадринского земства в области образования), III — земский (1871—1917 гг.), для каждого из которых характерны свои особенности и соответственно подбор учительских кадров.

В монастырский период в Зауралье появились первые учителя. Ими стали монахи в школах при Далматовском Свято-Успенском мужском монастыре. На должность учителя их назначал настоятель независимо от уровня образования. Обучение детей было дополнительной нагрузкой к их основным обязанностям. Монахи, сами иногда полуграмотные, не имели представления ни о педагогике,

ни о методике преподавания, учили так, как учили и до них. Все огрехи обучения щедро «исправлялись» телесными наказаниями, которые принимали иногда жестокие и изощренные формы. Не редкость для монастыря был учитель-пьяница. Ни любви, ни уважения к такому учителю возникнуть, естественно, не могло, оставался только страх наказания, притупляющий пытливый ум ребенка.

Методы обучения, сложившиеся в монастырских школах, еще долгое время существовали в дореформенной церковной системе обучения, оставляя негативные воспоминания у учеников и напрочь отбивая тягу к учению. Наверняка были и другие примеры: добрый, терпеливый учитель, снискавший любовь детей и ставший примером для подражания, но из-за малочисленности информационных источников мы не можем дать всестороннюю характеристику учителям монастырских школ. Как бы то ни было, монастырские служащие первыми взяли на себя роль людей, передающих знания молодому поколению, на их опыте, положительном или отрицательном, строили свою деятельность и обогащали свои педагогические знания последующие поколения церковных и светских учителей.

Для второго — доземского — периода характерным было доверять преподава-

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

ние во всех типах школ, как светских, так и церковных, только учителям-церковнослужителям. Еще в 1885 г. по указу Синода для преподавания приглашались или направлялись исключительно священнослужители: местные священники и дьяконы, которые также не освобождались от своих основных обязанностей. Поэтому, как утверждают историки и подтверждают архивные источники, церковные учителя не проявляли особого желания работать с детьми. Типичным для зауральских школ было, когда «...законоучитель священник... за январь месяц посетил училище два раза, а именно 12-го января на 0,5 часа и 26-го января на 15 мин. В феврале же месяце не был ни разу. Классы законоучителя, в его отсутствие, занимал учитель-предметник» [3]. Пьянство было еще одним пороком учителей-священников.

С развитием капиталистических отношений в регионе уровень образованности церковных учителей и их отношение к своим обязанностям перестали удовлетворять даже низшие типы учебных заведений. В городских светских школах преподавание частично велось светскими учителями. Бурный рост школ церковного ведомства, особенно в сельской местности, и невозможность обеспечения учителями-священниками привели к тому, что Синод разрешил принимать на учительские должности всех желающих лиц православного вероисповедания. В школах Курганского уезда преподавали псаломщики и дьячки, отставные солдаты и бывшие полицейские надзиратели, поселенцы. Есть пример даже ссыльного дворянина и девочки-подростка 12-летней Лидии Зябловой [5. С. 475—476]. Были на Урале и учителя-шатуны, малообразованные, пьющие, переходившие из деревни в деревню и обучавшие детей не более одной зимы. Из-за традиционной приверженности населения к домашнему, а не государственному обучению такие люди долгое время тоже входили в состав учителей

региона. В Шадринском уезде из-за его принадлежности к Пермской губернии и из-за близости Далматовского монастыря положение с учительскими кадрами было чуть лучше, но в целом по региону проблема квалифицированных кадров особенно для сельских церковных школ стояла остро.

Положение несколько улучшилось, когда к преподаванию разрешили допускать женщин. Обучение у женщин стало заметным явлением на селе. Чаще всего работали выпускницы начальных школ, бесплатно или только за питание и жилье. Но при этом молодые учительницы были наиболее грамотными, могли быстро научить писать и читать звуковым методом, а не тратить долгие месяцы на обучение по псалтырю. Со временем юные выпускницы сельских начальных школ снискали уважение в крестьянской среде. Но еще большим авторитетом, особенно среди раскольников, пользовались учителя в преклонном возрасте, из убогих, хромых старых дев [7. С. 64].

Рост числа церковных школ потребовал массовой подготовки учителей в своем регионе. Основу составили учительские классы, открытые в наиболее крупных учебных заведениях городов или крупных сел, сначала церковного ведомства, а затем МНП.

В Зауралье учителей для ЦППШ готовили в основном 2-классные церковно-приходские училища, но затем они могли работать и в народных училищах и гимназиях. Должность приходской учительницы могли получить выпускницы женского приходского училища при условии достижения 16-летнего возраста и прохождения практики в церковно-приходском училище. Там девушки занимались с отстающими учениками, проверяли тетради, посещали уроки учителя, сами проводили пробные занятия. После 6 месяцев безвозмездной работы они получали звание приходской учительницы без дополнительных испытаний.

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

В конце XIX в. подготовка учительских кадров для ЦПШ регламентировалась «Правилами о производстве испытаний по духовному ведомству на звания учителей или учительниц одноклассной ЦПШ» от 26 ноября 1888 г. [1]. Они были разработаны для лиц, желавших работать учителями, но не имевших достаточного образовательного ценза, и включали экзамены по общеобразовательным предметам и предметам церковного цикла, некоторые духовные нормативы. Основными требованиями к учителю оставались «...искренняя набожность, православная церковность и сердечная мягкость в отношении к ученикам». Уточнялось, что «этих качеств прежде всего и нужно искать в человеке, которому поручается обучение детей в школе. Из-за таких религиозно-нравственных достоинств можно извинить в учителе его педагогическую неопытность и малые познания в грамоте» [4].

Желающих преподавать было немало. Обладание учительским свидетельством освобождало мужчин от воинской повинности, женщинам давало возможность работать и получать средства к существованию, реализовать себя как личность и социализироваться. Учительская профессия помогала повысить социальный статус, самооценку личности, позволяла занять более высокое место в обществе и обеспечить образование детям (для детей учителей обычно устанавливались льготы при обучении). Для женщин в Зауралье профессия учительницы была чуть ли не единственной доступной профессией, поэтому девушки охотно поступали в учительские классы. Учительницами становились и дочери высокопоставленных чиновников, и представительницы дворянского сословия. Среди зауральских женщин-учителей были выпускницы Омской, Оренбургской, Пермской, Екатеринбургской женских гимназий, Курганской прогимназии и двухклассной школы, Шадринской гимназии, Тобольского епархиального жен-

ского училища и т. д. Немало было учительниц с домашним образованием.

Земский период становления образования в Зауралье ознаменовался живым участием Шадринского земства в деле народного образования и повлиял на образовательную ситуацию на всей территории Зауралья, пробудив общественную инициативу в той части региона, где не было создано органов земского самоуправления. Земство взяло на себя все обязанности по подготовке и повышению квалификации учителей, выдвинув цель замены учителей-церковнослужителей светскими. За период с 1875 по 1884 г. в Шадринском уезде удалось провести такую работу — практически все учителя стали светскими. Исключение составили учителя Закона Божьего. Прием на работу осуществлялся при подписании разработанного земством типового договора («условия»), по которому учитель обязывался соблюдать следующие условия: 1) использовать в обучении установленные методы преподавания: «метод преподавания... употреблять звуковой, по методике Золотова и других, как развивающий способность соображения и мышления»; 2) принимать учащихся без ограничения: «должны быть принимаемы все ученики, сколько будет являться желающих»; 3) обучать в течение всего года без перерыва и независимо от количества учащихся: «учение должно продолжаться и в летние месяцы, хотя бы желающих учиться было и не много»; 4) вести отчетность и подчиняться земству: «состоя на должности учителя, я обязываюсь доставлять Земской Управе те сведения и отчетность по училищу, какие будут требоваться, и исполнять все распоряжения Управы» [3].

Договором устанавливался размер вознаграждения в 260 рублей в год с ежемесячным расчетом в местном волостном правлении. Дополнительно была разработана система премирования и добавки к жалованию за выслугу лет. Это было шагом вперед по сравнению с

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

периодом, когда работа учителя не оплачивалась годами.

Со временем требования к учителю со стороны земства увеличились: обязали давать дополнительные уроки, отвечать за сохранность книг и другого школьного имущества, за сохранение здоровья учеников, за пропаганду грамотности среди взрослого населения и заботу о выпускниках. Лицами, заключавшими договор с земством на право преподавания в сельских приходских и церковно-приходских училищах в Шадринском уезде, были чаще всего дети священников или дьяконов, учителя с домашним образованием и закончившие педагогические классы выпускники духовных семинарий, отставные военные, значительно реже встречаются выпускники педагогических курсов крупных городов России (в основном Пермских).

Для получения места учителя писали прошение в земскую управу: в прошении священника И. Киселева читаем: «Прихожане мои просят меня заняться обучением их детей грамоте. Желал бы исполнить их просьбу, так как имею на то довольно свободного времени, почему прошу Земскую Управу, если возможно, предоставить мне должность учителя при Галкинском Земском училище» [2]. При этом прилагалось решение ревизии по училищу «во время моего занятия с детьми... последовала резолюция такая на наставника как-то: «опытнейший, усердный и преданный с любовью делу народного образования, исполняет свои обязанности усердно и добросовестно, почему желательно было бы, чтобы священника Киселева и на будущее оставить наставником» [Там же].

Хотели работать и учителя из других уездов: например, дочь коллежского регистратора Е. В. Некрасова из Екатеринбургa: «Получив домашнее воспитание и имея уже некоторый навык в деле преподавания, я желала бы получить место помощницы сельской учительницы» [2].

Земство принимало даже иностранных подданных неправославного вероисповедания: дочь иностранного мастера при Златоустовских заводах лютеранского вероисповедания Жозефина Луиза Гра, выдержав экзамен в Шадринском уездном училище на звание учительницы сельской народной школы, просила 19 января 1872 г. «назначить ее учительницей в какое-либо земское училище, где есть вакансия» [3]. 20 января она уже была направлена в Каргапольскую женскую ЦПШ [Там же. Л. 13–14].

Образовательный ценз учителей сельских церковных школ всегда был значительно ниже, чем в городских. Педагог с соответствующим образованием в городской школе получал более высокое вознаграждение, доплаты, иногда ему предоставлялась квартира при училище. Существовала возможность дополнительного заработка при ведении частных уроков. Опытные преподаватели могли претендовать на место в светских учебных заведениях повышенного типа, которые к концу XIX столетия стали открываться в Кургане и Шадринске. С такими учителями считались, они занимали руководящие посты и трудились на благо города, к их мнению прислушивались горожане и представители органов управления образованием.

Однако и сельские учителя церковных школ были не всегда просто бессловесными исполнителями и мирились со сложившимися традициями школьного дела. Требование обязательной отчетности дало возможность учителям наладить обратную связь с органами управления. В своих отчетах зауральские учителя не только обращали внимание земства на слабую материальную базу церковных школ, но и делились собственными мыслями, педагогическими идеями и находками. Показательна, на наш взгляд, в этом плане деятельность учителя Бакланского сельского приходского училища Евлампия Плотникова. Он проявил себя на ниве просвещения человеком творческим, ду-

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

мающим о будущем своей школы и учеников [3].

При небольшом составе учащихся (обучалось 30 мальчиков) учитель Плотников, благодаря беседам с родителями и объяснению детям необходимости грамотности, добился посещаемости не менее 25 человек ежедневно. В его понимании, для успешного процесса обучения недостаточно оснащать училища только учебниками и наглядными средствами обучения, он мечтал о разведении школьного сада и огорода, об оборудовании мастерской, чтобы обучать сельских ребятшек всем видам крестьянского труда: «...все эти предметы необходимы по той простой причине, что без них положительно невозможно серьезное практическое, полезное и быстрое обучение детей как элементарным наукам, так и практическим» [3. Л. 64].

Учитель выступает против переводных учебников, которые «чужды пониманию российского ученика», просит книги, необходимые для крестьян, содержащие примеры «если не нашего края, то хотя бы нашей губернии». Достаточно высоко оценив «Родное слово» Ушинского (самый распространенный учебник того времени, имевший громадный успех на территории России), думающий учитель отмечает и значительные недостатки в материале учебника: «“Родное слово” при всем своем рациональном изложении... в сущности большей частью мало пригодно для крестьянских мальчиков нашего края. Да и, кажется, именитый педагог при составлении своих книжек вовсе не имел в виду деревенских ребят. “Слово” его, по моему разумению, составлено для детей из привилегированных сословий и притом детей, принадлежавших к высшему образованию» [Там же. Л. 65—67].

Довольно смелая критика в адрес именитого и всеми признанного педагога. Сам Плотников, будучи человеком творческим, создал авторскую методику обучения на основе использования

регионального материала, предлагающую, «чтобы самостоятельные труды мои и приемы по сему предмету (обыкновенно постепенный ход уроков) были проверяемы и, где нужно, исправляемы людьми компетентными в области педагогики и народного образования, ибо одному без посторонней помощи трудно». В основу своей методики учитель заложил принципы наглядности и связи теории с практикой — «чтобы уроки по действительным предметам приносили пользу». Для достижения этой цели учитель проводил экскурсии, где в процессе наблюдения за природой и знакомства с родным краем ученики могли связать обучение с жизнью и составить представление, для чего надо учиться. Попутно учитель собирал материал для коллекций растений, минералов, предлагался им также вариант составления «коллекции животных», которым он по мере накопления в училище предлагал обмениваться с другими. Особое место в его методике занимает чтение, для чего он просит земство прислать книги интересные, понятные и полезные для сельских жителей («побольше книг для легкого чтения» и «новейший рациональный учебник»). Для совершенствования процесса обучения запрашивает книги по педагогике и дидактике — «чтобы следить за нововведениями и усовершенствованиями педагогических приемов».

Понимая и по собственному опыту зная, что учитель на селе — единственный источник знаний, он предлагает всеми возможными способами («отчасти посредством личных опытов и наблюдений, а главное — посредством чтения») расширять свой кругозор, получать и систематизировать свои знания, чтобы потом передать их подрастающему поколению.

В настоящем учителе Плотников видел прежде всего пылкий ум и способность к самообразованию. К преподаванию естествознания он рекомендовал допускать только тогда, когда сам учи-

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

тель изучил весь имеющийся материал и вполне знаком с природой родного края: «тогда даже мы в деревенской глуши сможем приобретать таковые обширные познания и сведения, относящиеся ко всем отраслям естествознания, как-то зоология, минералогия, ботаника» [3].

Такие взгляды имел «рядовой сельский учитель из деревенской глуши» последней четверти XIX века! В некоторых вопросах поражает продуманность позиции и огромное стремление принести пользу населению своего родного края. Одновременно чувствуется недостаток общения с коллегами.

Это только один из примеров деятельности учителя, его просветительской и гуманистической позиции. Примеров самоотверженности в деле служения образованию и гуманизма по отношению к учащимся немало в истории региональной педагогики. В этой связи следует упомянуть супругов Черемухиных — учителей Далматовского женского приходского училища, которые много лет терпеливо и настойчиво создавали в училище добрую атмосферу, когда учитель не был угрозой, а помощником и наставником. П. А. Черемухина была наставницей девочек, учила их рукоделию, пению, за 40 лет преподавательской деятельности она воспитала не одно поколение молодых учительниц, продолживших ее начинания. Самые добрые воспоминания оставили ученики о своих учителях церковных школ: священниках Первушине из г. Шадринска, Волкове из Кургана, о. Владимире из Далматова и т. д.

В начале XX в. весомый вклад в духовное и образовательное развитие г. Кургана внесли учителя Курганского духовного училища, составившие самую образованную часть городской общности, создавшие церковную школу нового типа, разумно соединив преимущества светского обучения и церковную направленность. Окончив высшие духовные учебные заведения, они сами воспитали немало талантливых выпускников,

которые впоследствии принесли славу своему городу и стране.

Таких свидетельств самоотверженного служения делу, гуманного отношения к учащимся, когда учитель церковной школы становился и духовным отцом, и наставником, и добрым другом, в истории педагогики Зауралья можно найти немало. Все это говорит о том, что с течением времени радикально изменились подходы к преподаванию в церковных школах разного типа, пришло понимание и осознание роли учителя в обществе. Это, в свою очередь, положительно сказалось на атмосфере воспитательно-образовательной деятельности церковных школ, на отношениях учеников и учителей, изменило восприятие школы родителями. Все это проходило в Зауралье при достаточно сильном влиянии светских учебных заведений.

К сожалению, повышающиеся требования общества и государства к учителю не соответствовали размеру вознаграждения, которым оплачивался его труд. Особенно сложно было сельским учителям: их труд оплачивался ниже, чем в городских училищах, и не так регулярно, они не имели возможности давать дополнительные уроки или работать по совместительству, больше зависели от крестьянского общества, которое само часто бедствовало.

Чтобы прокормить семью, сельские учителя были вынуждены заниматься наряду с крестьянами скотоводством и земледелием. Тем не менее, учителя многих церковных школ проявляли подлинный патриотизм и человеколюбие, трудились по несколько лет безвозмездно, тратили свои и без того скудные средства на письменные принадлежности, книги для детей. Немало сельских учителей работало в еще более сложных условиях — в населенных пунктах с преобладанием раскольников среди населения, враждебно настроенного к официальной религии.

К периоду революции 1917 г. число

ДИСКУССИИ, ОБСУЖДЕНИЯ

церковных школ в регионе сократилось, а вместе с тем и количество учителей-священников, но они оставили свой след в становлении системы образования региона. Учительский корпус школ церковного ведомства был наиболее массовым и первым в истории образова-

ния Зауралья. Опыт, накопленный в процессе многолетнего преподавания, составил основу для совершенствования региональной педагогики и методики, стал базовым для светского корпуса учителей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. БАЖЕНОВА, Н. Н. Церковно-приходские школы и школы грамоты в системе начального образования пореформенной России (1880-е— начало 1900-х гг.) / Н. Н. Баженова, Е. А. Ваганова // Вторые Уральские историко-педагогические чтения. — Екатеринбург, 1998.
2. Государственный архив в г. Шадринске (ГАСШ). — Ф. 191. — Оп. 1. — Д. 81.
3. Государственный архив в г. Шадринске (ГАСШ). — Ф. 492. — Оп. 1. — Д. 1871.
4. ЕКАТЕРИНБУРГСКИЕ епархиальные ведомости. — 1890. — № 17.
5. ИСТОРИЯ Курганской области (1861—1917 гг.). — Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 1996. — Т. 2.
6. МИХАЩЕНКО, А. Л. Становление и развитие образования в Российской провинции в 1719—1917 годах (на материале южно-зауральского региона Западной Сибири) : монография / А. Л. Михашченко. — Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2004.
7. САФРОНОВА, А. М. Сельские школы на Урале в XVIII—XIX вв. и распространение грамотности среди крестьян / А. М. Сафронова. — Екатеринбург, 2002.

Получено 28.03.08
© Булыгина М. В., 2008